

ДИСКУРС «НАУКА/ЭТИКА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Исследуется дискурс «наука/философия» в англоязычной философии. Обращаясь к работам В.Селларса, Т.Куна, Н.Мерфи, А.Розенберга, А.Макинтаера, А.Мердок, Р.Мертонна, Ч.Сноу и других, автор показывает: взаимосвязь науки и этики в философии англоязычного мира отличается поливариантностью, что связано как с новыми ориентирами в анализе науки, так и со сменой аналитической англоязычной философии постаналитической. Этот процесс начинается с теории парадигм Т.Куна и завершается «этикой добродетелей» А.Макинтаера. Такой поворот актуализирует вопрос: этична ли наука, или она этически нейтральна? Ключевые слова: наука, этика, англоязычная философия, поливариантность, дискурс.

Соотношение науки и этики относится к тем философским проблемам, которые отличались и отличаются неоднозначностью решений, их поливариантностью. Эта проблема обострилась особенно в нынешней ситуации, аналога которой человечество не знало. Глобальные и региональные проблемы затрагивают сферу науки, культуры, этики, морали, смысла жизни человека. Становится очевидным, что современная наука, а это постнеклассическая наука, является тем фактором, который способствовал переосмыслению теоретических и практических проблем этики. Этим объясняются актуальность и цели статьи.

Дискурс наука/этика пока не стал предметом широкого философского обсуждения в отечественной философии. В работах же зарубежных философов, и особенно англоязычного мира, поставлены такие проблемы, как этика науки, этизация науки, этическое измерение науки, моральность науки как набор практик, наука как носитель общечеловеческих ценностей и т.д. Еще недавно, всего лишь полтора-два десятилетия назад считалось, что этические проблемы науки возникают лишь в редких, исключительных ситуациях и касаются лишь отдельных областей научного знания. Но в нынешних своих масштабах и формах научно-технический прогресс непрерывно генерирует все новые и новые проблемы этического характера.

В современной научной литературе выдвинута гипотеза о том, что человечество стоит у порога второй этической революции, смысл которой – перевести идеи общечеловеческой морали из идеальной формы бытия в практическую, использование их в конкретной практике человеческого бытия. Речь идет о том, что в нынешних реалиях вторая этическая революция прямо и непосредственно связана с прикладной этикой как переходом от моральных теоретических рассуждений к практическим действиям. Все пастойчивее звучит мысль, что мораль как теория абстрактных принципов и общих определений не отвечает потребностям современного общества, поскольку не существует морали, отчужденной от человека и поставленной над ним. В этом контексте заслуживают внимания работы философов англоязычного мира, которые предложили свое видение дилеммы «наука/этика», ее поливариантность. Следует подчеркнуть, что дискурс «наука/этика» затронул все философские направления: аналитическое, постаналитическое, богословское, экзистенциальное, социальное, антропологию и т.д. Пик интереса к проблеме «наука/этика», как считают аналитики, приходится на конец XX столетия. Это подтверждается и научными публикациями англоязычных философов. В них можно выделить несколько тематических направлений.

Прежде всего, философы развернули дискуссию по вопросу: является ли этика наукой.

Пожалуй, одним из первых к обозначенной проблеме в США обратился В.Селларс. Известный американский философ уже в начале XX века разработал свою модель иерархии наук [см.: 1, с.5]. Он называл ее по-разному: «насуточный реализм», «насуточный натурализм» или наиболее употребляемый термин «непродуктивный натурализм».

Согласно В.Селларсу, природный мир является одной большой сложной системой. Соглашаясь с редуцированными материалистами, он критиковал их за чересчур механическое и атомистическое понимание природы. В.Селларс признает такие уровни развития, как неорганический, органический, умственный или понятийный, социальный, этический,

религиозный и духовный миры [см.: 3, с.136-138]. Он высказал предположения о необходимости включить этику в иерархию наук и поставить ее между социологией и теологией.

Этика может и должна быть принята как наука, хотя это, конечно, не совпадает с обычным представлением о том, что этика должна отличаться от эмпирических дисциплин. Такова точка зрения американского ученого Н.Мерфи: «этика – это наука, требующая большей определенности при ответе на множество практических вопросов, которые возникают в общественных науках. Для того, чтобы стать научной, этика должна ответить на один из основных вопросов: какова конечная цель человеческой жизни? На этот вопрос отвечает теологическая система, хотя метафизическая система тоже может это сделать» [2, с.196-198]. Общественные науки охватывают наибольшее количество понятий человеческого мира, но при этом не учитывается этика, хотя она должна стоять ниже теологии, но выше других общественных наук.

Развивая и дополняя концепцию Н.Мерфи, А.Розенберг исследовал линию «этика и общественные науки», доказывая, что существует тесная связь, с одной стороны, между утилитаризмом в этике и натурализмом в общественных науках и между деонтологической этикой и антинатурализмом, с другой [см.: 7].

Натурализм – это взгляд на то, что общественные науки могут и должны стремиться превзойти методы естественных наук. Это возможно потому, что не существует значительной разницы между человеком и естественным миром, которая не позволила бы понять человека с помощью наблюдения и формулирования законов причинности. Можно сказать, что такой подход акцентирует значимость причинности для данной модели иерархии наук. С этой точки зрения поведение человека нельзя объяснить или предсказать без понимания смысла, который человек вкладывает в свои действия.

А.Розенберг отмечает, что утилитарная этика нуждается в натуралистической общественной науке, чтобы была возможность предсказать причинные следствия различных социальных явлений. В свою очередь, натурализм нуждается в оценках утилитаристом: позволительно ли с этической точки зрения воспринимать человека как объект, а не как личность [там же]. Ученый считает, что существует определенная согласованность между герменевтическим подходом и деонтологическим пониманием необходимости уважать человека как личность. Особенность этики состоит в том, что моральная оценка каких-либо действий должна исходить из их мотивов, при этом уделяется особое внимание значимости соблюдения и выполнения определенных прав и обязанностей. Существуют различные методологические направления в общественных науках, которые существенно зависят от различных концепций природы человеческой личности, и эти концепции очень близки к философской этике.

Ч.Тейлор пытается объяснить этот тезис более подробно. В предисловии к своему двухтомному изданию «Философия и гуманитарные науки» он пишет, «что существует много теорий, которые, опираясь на определенный опыт, оспаривают понимание действий человека и самой человеческой жизни с позиций натуралистического подхода к гуманитарным наукам» [11, с.4]. Общественные науки поднимают вопросы, на которые они сами не компетентны ответить (чаще всего это пограничные вопросы). Поэтому именно наука об этике могла бы стать связующим звеном, чья роль заключалась бы в сравнении и определении определенных нравственных теорий, в осмыслении их применения и последствий воплощения в общественной практике.

Можно ли понимать этику данным образом? Поставив такой вопрос, следует обратиться к А.Макинтаеру, который в своих работах настаивает на том, что верной формулировкой этических требований является нечто похожее на следующее условное утверждение: «Если Вам нужно добиться своей цели, то вы должны сделать X» [3, с.1-2]. Характерной чертой взгляда Просвещения на этику является утверждение, что верная формулировка должна быть аподиктической: «Вы должны сделать X». Модернисты, в свою очередь, предложили теории, опираясь на наиболее важные моральные требования: «Вы должны действовать так, чтобы добиться самого лучшего в самом большом количестве» или «Вы должны действовать так, чтобы максимум Ваших действий мог привести к универсальности». Но потому, что нравственность воспринимается как автономное понятие, т.е. не имеет отношения к другим знаниям, то, следовательно, не существует способов разрешения между этими наиболее важными конструкциями морального «должен». Эта невозможность приводит к бесконечным дебатам о морали в обществе. Тем не менее, эту несогласованность, с точки зрения А.Макинтаера, не следует принимать как проблему дискуссии как таковой, скорее всего, надо согласиться с тем, что проект Просвещения выбрал неверное направление [см.: 3, с.65]. А.Макинтаер отмечает, что таким же неверным направлением была попытка освободить

мораль в объяснении каких-либо действий от традиционной религиозности. Такие традиции предопределяют ответ на вопрос: что является наивеличайшим добром для человечества? Счастье ли это? Уживаются ли эти понятия с необходимостью искать во всем причинность? Может, это Божья милость? Как теология, так и метафизика дают концепцию смысла человеческой жизни. Этика – это наука, которая дает ответ на вопрос: как мы должны жить, чтобы достигнуть цели нашей жизни: Таким образом, позиция А.Макинтасра оспаривает современный взгляд по поводу того, что отделение моральной аргументации от знания природы реальности (как теологическое, так и научное) является заблуждением.

Анализируя в этой связи работы А.Мердок, следует заметить, что ее представление об этической системе вытекает из метафизической теории. Основная мысль этической теории А.Мердок представлена следующим утверждением: «Человеческая жизнь не имеет конца, и нет награды за нее» [4, с.419]. Следовательно, нравственность существует сама по себе. Смыслом жизни должно быть осознание и принятие данного факта наравне с фактами моральной неустойчивости, бессмысленности мировых страстей. Иначе говоря, следует придерживаться нравственных устоев, при этом в полной мере осознавая, что мораль, несмотря на необходимость, не имеет смысла и внешнего оправдания.

С.Хауервас, исходя из христианской доктрины о Сотворении мира, использует метафизические различия для объяснения своего видения этического. Наряду с А.Мердок, С.Хауервас настаивает на важности понимания и ясного представления того, что же такое нравственность, но, согласно своей теории, он считает, что такое знание приходит с опытом всеобщего верования, примирения с заботой о других. Коллективный опыт, который формирует характер, отражает понимание того, что жизнь – это дар [см.: 12, с.190-208].

Аналогичные взгляды представлены в книге Дж.Милбанка «Теология и общественная теория» [5, с.320]. Дж. Милбанк утверждает, что христианская теология должна вернуть себе положение метадискурса, имея возможность определять, классифицировать и критиковать другие науки. Он считает, что общественные науки принимают мнение о внутренней природе человечества в социальных взаимоотношениях и этических нормах. Это объясняется метафизическими и теологическими учениями о характере абсолютной реальности. Как этика, так и метафизика сильно расходятся с христианской ортодоксальностью. По его мнению, подход к иерархии наук, как к модели или идеализации, нельзя использовать для того, чтобы дать безупречную оценку всем наукам и их внутренним связям. Эта модель не может быть применена к историческим наукам, а также к таким наукам, как генетика, которая сокращает уровни в иерархии биологических систем [см.: 5, с.140].

Свой вариант решения представляет культурный релятивизм, который считает моральные нормы определенными условностями, созданными самим обществом. Так, Р.Александр в «Биологической интерпретации нравственных систем» определяет нравственность как «общественную условность». «Нравственная система – это, по существу, общество с правилами. Правила – это договоренность о том, что разрешается, а что нет; какие поощрения и наказания соответствуют определенным действиям, а также о том, что хорошо и что плохо» [1, с.179]. Сущность нравственности, по мнению Р.Александра, это – альтруизм: «Говоря в общем, аморальность – это ярлык, который мы примеряем для определенного рода действий и с помощью которого мы помогаем себе или причиняем вред другим» [1, с.189]. В то же время действия, которые вредят нам самим или помогают другим, больше похожи на недостаток единомыслия в метафизических представлениях. Р.Александр утверждает, что биологическое значение может помочь в понимании несоответствий нашего представления о нравственности.

М.Руссе предлагает концепцию эволюционной этики: «Цельная нравственная система требует разделения на две части. С одной стороны, должен быть «субстантивный» или «нормативный» этический компонент. Здесь предлагается определенное руководство, такое как «не убий». С другой стороны, должно быть то, что формально известно как «метаэтическое измерение». Здесь предлагается такое понятие, как «На все воля Божья». Без этих двух частей эта система будет неполной» [8, с.234]. Однако, полагая, что нравственное поведение человека исходит от упрощенного поведения животного, М.Руссе считает, что нравственность в нашем представлении не имеет полного разумного оправдания. Эволюционист более не приемлет извлечения нравственности из существующих устоев: нравственные требования сейчас таковы, что они не опираются на какие-либо догмы. То, на что они действительно могут опереться – это эволюционные устои, воля Божья или что-то иное. Следовательно, не может быть разумного оправдания объективным нравственным требованиям. Важно понять, какова причина того, что мы верим в объективный нравственный порядок. М.Руссе считает, что такое объяснение может

дать вечная ценность альтруизма. «В действительности, эволюционисты доказывают, что благодаря науке мы принимаем такое требование, как «свобода личности должна быть полной». И это требование есть не более чем субъективное выражение, отражающее наше мышление согласно устоявшимся ценностям. Другими словами, мы видим, что нравственность не имеет объективных философских устоев. Это ложно поддерживающая нас простая иллюзия» [9, с.280].

Дж.Харак в работе «Формирование характера христиан» отмечает, что нравственные достоинства проявляются как на физиологическом, так и на психическом уровне, иногда приближаясь к автоматизму, что существует нисходящая причинность от этического до биологического уровня, что существуют определенные различия между пониманием нравственного поведения и сущностью моральных кодексов. Он утверждает, что предпосылки к нашим нравственным убеждениям возникают из религиозных или социальных традиций [см.: 13, с.49]. Следует подчеркнуть, что в понимании Дж.Харака все нравственные системы взаимосвязаны, взаимозависимы и исходят из представлений о природе первозданной реальности.

Возражая против такого решения проблемы «этика – наука», А.Макинтаер считает, что редукционизм утратил понимание самой природы этического, что оно свидетельствует о его ограниченности, что необходимо его преодоление, и такое преодоление ученый видит в своей концепции восстановления нисходящих связей от теологии (или метафизики) до этики. А.Макинтаер отмечает, что если не низводить ее до психологического уровня (удовольствие, эмоции), до общественного уровня (общественные условности, правила) или до политического уровня, то возникает вопрос: какова же истинная природа? На этот вопрос можно ответить, исходя из предположения, что этика – это наука, которая в иерархии наук занимает место между теологией и общественными науками (или метафизикой) [см.: 3, с.84].

Широко распространена и следующая философская позиция: научное знание по своему характеру чуждо каких бы то ни было ценностных измерений, что оно этически нейтрально (Р.Мертон, Дж.Бен-Девид, Э.Мендельсон). Тезис об этической нейтральности научного знания не подвергается сомнению такими известными социологами науки, как Р.Мертон и Дж.Бен-Девид. В рамках их концепций возможно лишь включение науки в систему установившихся в XVII веке господствующих ценностей как условие институционализации. При этом понятийный арсенал, внутренний строй науки предполагаются уже заранее данными, «готовыми», известными, и проблема их внутренней связи с ценностными установками вообще не ставится. Сторонники «социально-конструктивистской» концепции генезиса науки Э.Мендельсон, В.Дэле и др. считают, что ценностная нейтральность присуща научному знанию не от века, а была сознательно «социально сконструирована» в середине XVII века как отказ от вмешательства в «опасные» политические, религиозные, этические проблемы, явившись платой за институционализацию науки.

В работах философов так называемого исторического направления, включающих, в отличие от позитивистов, философию («метафизику») в число факторов, существенно влияющих на становление и развитие научных теорий (программ, исследовательских традиций), ценностные, в том числе этические факторы, также вынесены за пределы анализа роста знаний, как и в концепциях позитивистов. Этическим факторам нет места ни в «эпистемологии без субъекта» К.Поппера, ни в методологии исследовательских программ М.Лакатоса, ни в эволюционной концепции развития науки С.Тулмина, который смысл коперниканской революции усматривает в вычленении чисто научной (познавательской) активности, разрыве мышления с ценностным отношением к миру, в установлении того факта, что научное мышление не связано с этическими и эстетическими ценностями. В целом, сходную позицию занимают и историки интерналистского направления – А.Койре, А.Р.Холл, М.В.Холл, И.Б.Коэн, Дж.Рэнделл, Н.Джардин и др. Отсутствие интереса к этическим факторам становления и развития науки характерно и для историков экзистенциального направления (Дж.Бернал, Э.Цильзель, С.Рестиво, А.Зон-Ретель, Д.Томсон). Они усматривают причины изменений когнитивной сферы непосредственно в экономике, минуя мировоззренческий «пласт», что является упрощением реального процесса развития науки.

Непосредственное включение этики в науку, обоснование норм научной этики – следующая альтернативная позиция. Одним из первых этот подход осуществил Р.Мертон [см.: 7, с.279]. В своей работе «Нормативная структура науки» он вводит понятие этоса науки, который понимается как комплекс ценностей и норм, воспроизводящихся от поколения к поколению ученых и являющихся обязательным для человека науки. С точки зрения Р.Мертонна, нормы науки строятся вокруг четырех основополагающих ценностей. Первая из них – универсализм. Вторая ценность – это общность (в буквальном переводе – «коммунизм»), смысл которой в том, что научное знание должно свободно становиться общим достоянием.

Третья ценность – это незаинтересованность. Согласно Р.Мертону, первичным стимулом деятельности ученого является бескорыстный поиск истины, свободный от соображений личной выгоды. Признание и вознаграждение должны рассматриваться как возможное следствие научных достижений, а не как цель, во имя которой проводятся исследования. И четвертая ценность – это организованный скептицизм. Каждый ученый несет ответственность за оценку доброкачественности исследования. Ученый должен не только настойчиво отстаивать свои научные убеждения, но и иметь мужество отказаться от этих убеждений, если будет обнаружена их ошибочность. Р.Мертон формулирует нравственный императив ученого.

Предпринятый Р.Мертоном анализ ценностей и норм науки неоднократно подвергался критике, отмечалась абстрактность предложенных им ценностей. Позже в своей работе «Амбивалентность ученого» он еще раз возвращается к теме этоса науки, отмечает наличие противоположно направленных нормативных требований, т.е. норм и «контрнорм», на которые ориентируются ученые в своей деятельности. Противоречивость этих требований приводит к тому, что ученый оказывается в состоянии амбивалентности по отношению к ним. Но, тем не менее, наличие норм и ценностей очень важно для самоорганизации научного сообщества. Отдельные нарушения этических норм науки, хотя и могут вызывать серьезные трудности в развитии той или иной области знаний, несут больше опасности для самого ученого, чем для науки. Р.Мертон первым вводит в обиход научного исследования термин «научный этос» который затем стал широко использоваться и в европейской философии. «Этос науки выражается как требования и запрещения в правилах преимущества и допущений, что они являются законными институализированными ценностями. Это императивы, которые передаются посредством требований и образцов поведения и закрепляются санкциями» [7, с.322].

Польский философ А.Гжегорчик позицию Р.Мертон обозначил как проблему интеллектуальной моральности и высказал интересные положения по поводу ее деструкции. Он видит четыре причины деструкции интеллектуальной моральности в современной реальности научной жизни: отрыв от жизни, релятивизм, меценатство интеллектуальную недобросовестность. Идеи Р.Мертон нашли продолжение в работах Б.Барбера, Н.Сторера.

На уязвимость моральной «нейтральности науки» одним из первых обратил внимание Ч.Сноу. В своих выступлениях и публикациях он отмечает, что работа ученых имеет первостепенное значение для всего человечества, и в моральном плане это обстоятельство кардинально изменило облик нашего времени. Обратим внимание на это важное положение. Этическую нейтральность науки Ч.Сноу оценивает как моральную ловушку. По его мнению, элемент моральности включен в самый процесс научной работы, стремление найти истину саму по себе является моральным импульсом или, во всяком случае, содержит моральный импульс [см.: 10, с.279-288]. Моральную «нейтральность науки» Ч.Сноу называет циничным конформизмом технократов, который часто служит прикрытием для робости и своекорыстия.

Знание накладывает на ученых тяжелую личную ответственность. Дело не только в гражданской ответственности. На ученых лежит большая ответственность и несколько иного характера, потому что ученые испытывают моральное побуждение сказать то, что они знают. В результате они могут лишиться доброго имени в своей собственной стране. Они могут лишиться большего. Ч.Сноу подчеркивает, что на плечах ученых лежит тягчайший груз ответственности, более тяжелый, чем на плечах других людей. В обозначенной ситуации, поскольку ученые не могут не знать того, что они знают, они не могут не стремиться к добру.

Выводы. Итак, анализ взаимосвязи науки и этики, науки и морали в философии англоязычного мира отличается поливариантностью. Здесь выдвинуты следующие концепции взаимосвязи науки и этики: этика имеет научный статус и она находится в иерархии наук выше юриспруденции, политологии, экономики, социологии, психологии; существует тесная связь между утилитаризмом в этике и натурализмом в общественных науках, причем натурализм трактуется как стремление общественных наук превзойти методы естественных наук; этика должна стать связующим звеном между нравственными теориями и общественной практикой; нельзя освободить мораль при объяснении тех или иных действий от традиционной религиозности, поскольку и теология, и метафизика дают концепцию смысла человеческой жизни; научное знание по своему характеру чуждо каких бы то ни было ценностных измерений; этическим факторам нет места ни в «эпистемологии без субъекта» К.Поппера, ни в методологии исследовательских программ М.Лакатоса, ни в эволюционной концепции развития науки С.Тулмина; сходную позицию занимают историки интерналистского и экзистенциального направлений в науке; обоснование этоса науки, ответственности ученого, наличия противоположно направленных нормативных требований, т.е. норм и «контрнорм».

Литература

1. Alexander R. D. A Biological Interpretation of Moral System. – Thomson, ed., Issues in Evolutionary Ethics, 1989. – P. 179, 189.
2. Murphy N. And George F. R. Ellis, On Moral Nature of the Universe: Theology, Cosmology, and Ethics. – Minneapolis: Fortress Press, 1996. – P. 182-201.
3. MacIntyre A. After Virtue, 2nd ed. – Norte Dame, Ind.: University of Norte Dame Press 1984. – P 1, 2, 65, 84.
4. Murdoch I. Metaphysics as a Guide of Morals. – London: Penguin Books, 1992. – P. 125, 149.
5. Milbank J. Theology and Social Theory. – Oxford: Basil Blackwell, 1990. – P. 140, 320.
6. Merton R. K. Science, Thechnology & Society in Seventeenth Century / New introd. By author. – Atlantic Highlands: Humanities Press; Hassocks: Harvester Press, 1978. XXXII. – P.279.
7. Rosenberg A. Philosophy of Social Science. – Boulder: Westview Press, 1988. – P. 177, 183.
8. Ruse M. Evolutionary Ethics. – A. Phoenix Arisen, in Thomson ed., Issues in Evolutionary Ethics, 1989. – P. 234, 280.
9. Sellars Roy wood, Critical realism: A Study of the Nature and Conditions of Knowledge (1916, reprint, - N. Y.: Russel and Russel, 1966). – P. 5, 136-138.
10. Сноу Ч. П. Портреты и размышления. – М.: Прогресс, 1985. – С. 279-288.
11. Taylor Charles, Philosophy and the Human Science. – Cambridge University Press, 1985. – P. 4.
12. Hauervas S. Murdochian Muddles: Can We Get Through Them if God Does Not Exist? – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – P. 190-208.
13. Harak G. Simon, Virtuous Passions: The Formation of Christian Character. – N. Y.: Paulust Press, 1993. – P. 49.

Summary

The article deals with the analysis of "science/ethics" discourse in English Philosophy. Referring to the works by W. Sellars, T. Kuhn, N. Murphy, A. Rosenberg, A. MacIntyre, A. Murdoch, R. Merton, Ch. Snow and others, it is shown that the interrelation between science and ethics in English Philosophy is marked by polivariance, which is connected both with the new milestones of the analysis of science and with the change of analytical English philosophy to post-analytical. The process starts with T. Kuhn's theory of paradigms and finishes by A. MacIntyre's virtue ethics. As a result, the question emerged whether science is ethical or ethically neutral. The present article suggests different approaches to the issue. Keywords: science, ethics, English philosophy, polivariance, discourse.

УДК 167/168:17

© Інна Халай
Чернівецький національний
університет імені Юрія Федьковича

АНТРОПОКОСМІЧИЙ ХАРАКТЕР ЕТИЧНОГО ВЧЕННЯ А. ШВЕЙЦЕРА

Розкривається суть і актуальність етичного вчення гуманіста і філософа А.Швейцера, його концепції «благоговіння перед життям» у контексті сучасних глобалізаційних проблем. Виявлено кореляцію цього вчення з основними засадами і принципами багатогранної антропокосмічної філософії. Розкрито антропокосмічний потенціал у контексті моральної доктрини мислителя. Ключові слова: антропокосмізм, Всесвіт, Космос, Абсолют, благоговіння перед життям, гуманізм, етика, культура, духовність, антропоцентризм, воля до життя, самовдосконалення, самозречення, єдність.

Безцінний внесок у вдосконалення людського життя, що полягав не тільки у лікарській допомозі колонізованому населенню Екваторіальної Африки (Габону) у воєнні роки, а й у збереженні миру на нашій планеті, зробив відомий німецький гуманіст, музикознавець, філософ і вчений А.Швейцер (1875-1965). Ставши свідком нищівних наслідків двох світових війн, і гостро переживаючи застосування ворогуючими сторонами атомної та ядерної зброї, він сформулював основне етичне кредо як для себе особисто, так і для людства в цілому, яке визначив як «благоговіння перед життям». Ця теза стала кульмінаційним ореолом філософських роздумів А.Швейцера і лягла в основу його життєвої позиції. Генезою думки було глибоке усвідомлення й осмислення науковцем духовної, моральної та культурної кризи